
СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ
АДА ГРЕХОВЦЕВА
Навеки в моей власти
ОДЕРЖИМОСТЬ ГОРЦА
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН
18+

Ада Греховцева

Одержимость горца. Навеки в моей власти

«Автор»
2026

Греховцева А.

Одержимость горца. Навеки в моей власти / А. Греховцева — «Автор», 2026

— Ты не уйдёшь, Аля, — говорит он, не отводя взгляда. — Даже если попробуешь, я всё равно найду тебя.— Зачем тебе это?— Ты можешь не верить, можешь бороться, но ты уже навеки в моей власти.Я думала, что приехала на выставку ради искусства. А оказывается — ради него.Тамерлан врывается в мою жизнь стремительно. Он учит меня смотреть на мир иначе и поддаваться желаниям, которые я прятала даже от самой себя. Я понимаю, что это не любовь. Это зависимость. Но всё равно тянусь к нему, как к огню. И знаю — за это придётся заплатить. Ведь по законам его семьи у нас нет будущего.

© Греховцева А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 Альбина 5
Глава 2 Альбина 8
Глава 3 Тамерлан 11
Глава 4 Альбина 14
Глава 5 Альбина 17
Глава 6 Альбина 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Ада Греховцева
Одержимость горца. Навеки в моей власти

Глава 1 Альбина

Боже, поверить не могу, что уже завтра увижу вживую картины самого загадочного художника нашего времени — Таманги. Я просто брежу этими потрясающими горными пейзажами, искусно подобранными цветами, этой живой, почти осязаемой атмосферой. Каждый мазок будто дышит, будто несёт запах ветра, соли и солнца.

Не только я одна замечаю это, его работы стали настоящим культовым феноменом. Картины раскупаются мгновенно. Настолько, что я слышала, доходило до угроз и скандалов, когда кто-то успевал перевести деньги раньше другого коллекционера. Меня всегда поражало, как искусство может сводить людей с ума.

То, что столько полотен Таманги удалось собрать в одном месте — настоящее чудо. Ведь они разбросаны по всему миру: в частных коллекциях, галереях, за океаном. И далеко не все владельцы готовы расставаться с ними даже на неделю.

Я прохожу регистрацию на рейс до Махачкалы, а у самой такой мандраж от предвкушения, что руки мелко дрожат. Даже паспорт достать из сумки — испытание. Сердце колотится, как перед экзаменом. И чего я так переживаю? Сама не могу объяснить. Просто чувствую, должна быть там. Это не просто поездка. Это будто зов, что-то личное. Даже с родителями поругалась из-за этого, они не хотели отпускать меня одну, твердили, что «в другой раз поедешь». Но я-то знаю: другой раз может не настать.

Когда такая выставка будет ещё? Никто не знает. А сейчас она продлится всего неделю. Я бы не простила себе, если бы пропустила.

Разместившись в отеле, я даже не распаковываю вещи, просто падаю на кровать и мгновенно засыпаю, чтобы приблизить этот день. Утром просыпаюсь раньше будильника. За окном рассвет, тонкий, персиковый свет медленно растекается по шторам. Я завтракаю на бегу и спешу собираться. Надеваю свою самую красивую блузку, синюю, что подчёркивает глаза, и лёгкие брюки-палаццо. Волосы укладываю наспех, но всё равно чувствую себя на все сто.

До выставочного зала решаю дойти пешком, отель совсем рядом, а заодно можно хоть немного вдохнуть свежий воздух. Улицы Махачкалы встречают влажным ветром с моря, пахнет кофе и булочками, машины гудят, люди спешат по своим делам. А я иду, сжимая в руках приглашение, и ловлю себя на мысли, что улыбаюсь.

На входе в зал строгие, но вежливые администраторы. Они сверяют фамилии, выдают бейджи и бокалы шампанского. Я принимаю свой, хотя мне кажется, что слишком рано для такого аперитива. В зале уже многолюдно: шелест дорогих тканей, звон бокалов, приглушённый смех. Складывается ощущение, будто все здесь давно знакомы — здороваются, обнимаются, обмениваются короткими фразами. Я чувствую себя немного чужой, но решаю не терять времени: выставка, ради этого я сюда летела.

Я прохожу вдоль рядов, всматриваюсь в картины. И вдруг ощущаю: кто-то смотрит. Этот взгляд настойчивый, плотный, ощущается физически. Он не даёт покоя. Я пытаюсь сосредоточиться на холсте, на оттенках, на мазках, но мысли уплывают. В груди лёгкое напряжение, будто между мной и этим невидимым наблюдателем натянулась тонкая, вибрирующая нить.

Передо мной — женщина в алом платке, держащая за уздцы вздыбленного коня. На фоне — величественные горы, тонущие в золотистом закате. Кажется, вот-вот запахнет сухой травой, горячей пылью и свежестью ветра. Полотно настолько живое, что я машинально делаю вдох, будто сама стою рядом с этой женщиной, ощущая ветер на лице.

И вдруг за спиной раздаётся низкий, раскатистый голос:

— Нравится?

Этот тембр будто прокатывается по воздуху, касаясь кожи. Я оборачиваюсь, скосив глаза, и замечаю мужчину. Он выше меня на голову, плечи широкие, а присутствие ощутимое, как будто заполняет всё пространство между нами. От него исходит сила, уверенность, не требующая слов. Мне хочется обхватить себя руками, спрятаться, но я заставляю себя стоять прямо.

— Да, — отвечаю чуть тише, чем хотела. — Это моя любимая картина у Таманги.

— Чем же она вам так нравится?

— Я чувствую свободу. Запах горных трав, дуновение ветра… Она для меня как живая, понимаете?

Он кивает, и несколько секунд просто смотрит на меня, будто изучает. В его взгляде нет навязчивости.

— А вы знакомы с… — замолкаю, давая понять, что говорю о художнике.

На мгновение задумываюсь, как лучше сказать, с ним или с ней? Вокруг личности Таманги ходит столько легенд, что никто так и не знает, кто он на самом деле.

— Да, — отвечает он просто.

Я не успеваю скрыть удивление.

— Ого, — выдыхаю, поворачиваясь к нему всем корпусом. — Но вы, конечно, не скажете мне ничего?

— Это не моя тайна, — уголки его губ едва заметно приподнимаются. — Но я могу провести вам экскурсию по залу. Рассказать то, о чём большинство даже не догадывается.

— Правда? — я улыбаюсь чуть растерянно. — Наверное, вам больше хочется пообщаться со знакомыми. А тут я…

— Не скромничайте, — мягко перебивает он. И, будто спохватившись, добавляет: — Простите, я даже не знаю, как к вам обращаться.

— Ой, — немного смущаюсь, — меня зовут Альбина.

— Очень приятно, — его голос становится ниже, теплее. — Меня Тамерлан. Можно просто Там.

Он слегка наклоняется, берёт мою руку, и прежде чем я успеваю осознать, подносит её к губам. Его прикосновение почти невесомое, но оставляет след, будто ожог. Кожа вспыхивает, и мне кажется, что между нами на секунду становится ощутимо горячо. Он тоже это чувствует, я вижу по тому, как его взгляд цепляется за мой.

Я растеряна, губы непроизвольно приоткрываются, и я торопливо облизываю их. Шампанское, до сих пор слабо пузырящееся в бокале, оказывается спасением. Я делаю крошечный глоток, чтобы хоть немного прийти в себя.

Глаза Тама темнеют, насыщенно-коньячные зрачки становятся почти чёрными. Взгляд затягивает, как воронка, и я не могу, да и не хочу, отвести глаз. Всё вокруг будто растворяется: шум зала, голоса, тихая музыка. Остаётся только он и это странное чувство притяжения.

— Кхм… может, пройдёмся по залу? — мой голос звучит хрипло, непривычно.

Он смотрит на меня ещё мгновение, потом уверенно произносит:

— У меня есть предложение получше. Пойдём.

Прежде чем я успеваю что-то ответить, его ладонь легко ложится на мою, уверенно направляя к выходу. И я почему-то не сопротивляюсь. Будто марионетка, послушно шагаю за ним, чувствуя, как каблуки отбивают по паркету ровный, гулкий ритм.

— Куда мы? — спрашиваю, едва поспевая.

— Хочу тебе кое-что показать.

— Но выставка?.. — пытаюсь возразить, хотя в голосе больше любопытства, чем протеста.

— Это подождёт, — его тон не оставляет сомнений, и почему-то внутри от этого становится теплее, даже безопаснее.

За спиной гаснет шум галереи, а впереди — неизвестность, странно влекущая и пугающая одновременно.

Глава 2 Альбина

Мы вновь оказываемся снаружи. Воздух кажется чуть прохладнее, чем до этого. Я не понимаю, что задумал этот загадочный Тамерлан. Почему он тратит время на меня, вместо того чтобы налаживать нужные знакомства? Ведь я прекрасно представляю, как устроены такие открытия выставок, это не просто культурное событие, а своего рода игра, где каждый старается быть замеченным, сказать нужное слово, пожать правильную руку. А я… я здесь просто зритель.

Мы обходим здание выставочного зала. Асфальт под ногами блестит то ли от недавнего дождя, то ли просто от влажного морского воздуха. Тамерлан идёт уверенно, и я почему-то не спрашиваю, куда именно мы направляемся. Он молчит, но молчание не тягостное, скорее осмысленное, будто он знает, что ведёт меня куда-то в особенное место.

Мы сворачиваем за угол и оказываемся у небольшого входа сбоку. Никакой охраны, никаких табличек, только аккуратная дверь, обрамлённая тёмным деревом и бронзовой ручкой, не похоже на подсобку. Тамерлан открывает дверь сам, бесшумно, будто привык к этому месту.

Я переступаю порог и замираю.

Передо мной, прямо на отдельной стене, висит ещё одна картина. Совсем не так, как в зале, без толпы, без вспышек камер, без шелеста платьев и приглушённых разговоров. Словно её спрятали специально, чтобы не показывать всем подряд.

На полотне изображён горный аул, крошечные дома, цепляющиеся за склоны, будто боятся сорваться вниз. Снег тонкой вуалью ложится на крыши, вершины гор теряются в облаках. А внизу, прямо на камне, сидит старик, сутулый, в бурке, и смотрит вверх, в небо. От картины веет тишиной, спокойствием и какой-то необъяснимой тоской.

— Я и не думала, что увижу эту картину вживую, — говорю почти шёпотом. — Там, откуда вы знаете, что она здесь? И как мы сюда попали? Это вообще законно?

Он едва заметно улыбается.

— Конечно, законно, — отвечает спокойно. — Просто у меня есть связи, которые позволяют находиться здесь, когда зал уже закрыт.

Только теперь я замечаю, что помещение не совсем пустое. Вдоль стены высокий стол, уставленный миниатюрными закусками, бокалами, тарелками с канапе, оливками, кусочками сыра. Всё аккуратно, со вкусом, но создаёт ощущение чего-то неофициального, закрытого.

— Сюда скоро придут люди? — спрашиваю, не отрывая взгляда от картины.

— Не думаю, — отвечает он. — Все сейчас увлечены основным залом. О существовании этой комнаты знают единицы.

Я делаю шаг ближе к полотну, всматриваюсь в мазки, в холодные оттенки белого и синего, в кропотливые детали. Картина будто дышит, чувствуется морозный воздух, лёгкое эхо шагов где-то среди гор. Это не просто изображение — это чувство.

И вдруг я ощущаю, как к моим плечам прикасаются горячие руки. Лёгкое, почти невинное движение, но оно выбивает дыхание. Я вздрагиваю, отступаю на шаг, не решаясь обернуться сразу. Сердце бьётся слишком быстро, а воздух вдруг становится плотным.

Я чувствую, он стоит близко, слишком близко. И внутри, где-то глубоко, возникает странное противоречие: тревога и притяжение одновременно. Я понимаю, что заинтересовала его — это чувствуется в его взгляде, в том, как он стоит рядом, чуть наклонившись, будто старается уловить моё дыхание.

Но я не вижу смысла в том, что происходит. Всё слишком быстро, слишком нереально. Уже завтра вечером у меня самолёт обратно, в мою обычную жизнь, где нет ни Таманги, ни Тамерлана, ни этого загадочного аула, скрытого среди горных теней.

И всё же я не двигаюсь. Стою, словно прикованная, глядя на старика с картины, который тоже смотрит вверх, будто ищет ответ там, где его, возможно, нет.

— Альбина, тебе не стоит меня бояться.

Голос у него спокойный, низкий, с заметной хрипотцой. От этого тембра почему-то по коже пробегает дрожь.

— Я не боюсь, — отвечаю слишком быстро, и сама слышу, как неуверенно это прозвучало.

— Тогда расслабься, — он делает шаг ближе, — я просто забочусь о тебе.

Его взгляд скользит по моему лицу, будто запоминает каждую черту. Я отвожу глаза. Воздух между нами густой, что мешает дышать ровно.

— Вы местный? — спрашиваю, чтобы хоть как-то сбить напряжение.

— Да. Я родился в Махачкале, — он говорит это с лёгкой гордостью. — Моя семья уходит корнями на много веков в земли Дагестана. А ты?

— Я здесь всего на два дня. Приехала ради выставки.

Там хмурится, будто это его почему-то раздражает. Он сжимает кулаки совсем ненадолго, но я всё замечаю. В следующую секунду пальцы расслабляются, а он делает шаг ближе, в ту зону, где уже чувствуется его дыхание.

— Это ничего, Альбина. Так даже лучше, — тихо произносит он. — Но на эти два дня ты составишь мне компанию.

— Извините, но у меня были планы…

— Какие?

— Сегодня — выставка, завтра — прогулка по городу.

Он кивает.

— Будь по-твоему. Я всё покажу.

— Но я не соглашалась.

Меня пугает эта настойчивость. Я вспоминаю, что слышала о местных мужчинах, о том, как они относятся к девушкам вроде меня. О «гостях» из других городов, о коротких интрижках, о красивых обещаниях, которые кончаются ничем. В его взгляде что-то первобытное, сильное, и от этого тревожно.

— Аля, я же могу называть тебя Аля? — снова этот голос, мягкий, но властный. Это даже не вопрос, а приказ, обёрнутый в шелковую вежливость. — Ты очень красивая девушка. И я хочу, чтобы ты подарила эти два дня мне. Я могу быть очень щедр.

— Я не продаюсь, — говорю, пятясь, пока не задеваю столик за спиной. Бокалы на нём звякают, один чуть не падает. — Мне ничего от вас не нужно. Пожалуйста, отпустите меня.

Он улыбается спокойно, будто я просто сказала что-то забавное.

— Чего бы ты хотела, Аля? Есть у тебя какое-то заветное желание?

Конечно, есть. Но оно нематериальное. Настоящее. Я хочу домой. В безопасность. Туда, где никто не смотрит так, будто может подчинить одним взглядом.

— Вижу, что да. Какое? — не отступает он.

— Вернуться домой, — выдыхаю.

— Ты свободна. Уже завтра я посажу тебя на самолёт. А кроме?

Он делает шаг, и я будто оказываюсь в клетке. Его тень ложится на меня, как тяжёлое покрывало. Я чувствую, что теряю контроль над ситуацией. Мир сжимается до размеров этого зала, до его глаз и низкого голоса.

Мне хочется зажать уши, чтобы не слышать, как он говорит. В нём есть что-то опасное, что-то такое, чему нельзя доверять, но от чего невозможно отвести взгляд.

— Ты расспрашивала меня про Таманги, — вдруг напоминает он. — Тебе ведь интересно познакомиться вживую?

Я едва не вскрикиваю. Сердце сжимается. Да, интересно. Это мечта — увидеть художника, понять, кто стоит за этими картинами. Но почему он говорит об этом именно сейчас? Почему с таким тоном, будто заманивает?

— Я вас совсем не знаю, Там.

— Обещаю, не обижу. Не трону, пока сама этого не захочешь.

При этих словах он смотрит так, будто уже знает, что я всё равно соглашусь. Взгляд его медленно скользит по мне, и я чувствую, как к щекам приливает жар. Грудь вздымается от слишком частого дыхания.

Я — благоразумная девушка. Всегда была. У меня есть границы, принципы, разум. Но почему сейчас мне кажется, что всё это будто растворяется в его присутствии? Почему я не могу просто сказать «нет» и уйти?

Разве не очевидно, что стоит отказаться? А я стою и не двигаюсь.

Глава 3 Тамерлан

С самого утра я на ногах, подготовка к выставке лежит на мне. Не потому, что я не могу делегировать: мог бы легко отдать часть задач сотрудникам. Но не хотелось, чтобы кто-то «накосячил». И честно: мне хотелось погрузиться в это самому. Мне важно, чтобы всё выглядело так, как я представляю.

Через неделю у меня должна состояться свадьба. Невеста одобрена семьёй, имя уже известно всем соседям и родственникам. Внешне мир вокруг движется вперёд, и Махачкала — не исключение, но в некоторых вопросах в моей семье по-прежнему сильны традиции. Я давно к этому готов: путешествия, сделки, выставки — всё это не мешало моей семье свести меня с той, кого они посчитали достойной. У меня нет особой привязанности к Саиде и, признаться, нет внутреннего сопротивления этому браку. Это факт, который меня не тяготит и не радует, он просто есть.

Так как есть удобный повод быть в городе, я не теряю времени. Моя работа, перепродажа предметов искусства, делает возможным и простым привезти в Махачкалу картины Таманги. Организовать экспозицию — дело техники; важнее было создать настрой, атмосферу. Я стою в зале с самого открытия, проверяю свет, хожу между стендов, слушаю, как заходят люди: шуршание пальто, разговоры. Гости в основном обеспеченные, это и понятно. Я также позвал студентов-искусствоведов из нескольких известных вузов: мне кажется полезным подогреть интерес молодёжи, вырастить новых коллекционеров. Но пока их нет.

Я приветствую посетителей, улыбаюсь, жму руки, делаю своё дело. Глаз всё время скользит по залу в поисках тех, кто нужен мне не только в смысле деловых связей, а в смысле выгодных покупок: я планирую продать небольшую партию древних китайских статуэток, и мне важно увидеть, кто из присутствующих способен на подобные инвестиции.

И вдруг моё внимание цепляется за девушку в синей атласной блузке. Она идёт медленно, всматриваясь в картины, губы чуть сжаты, глаза блестят от света. В её походке есть что-то отточенное, как будто она знает цену красоте, но не хочет, чтобы это заметили. В один момент я понимаю: всё, что я думал об этом вечере как о предсвадебной рутине, отходит на второй план. Инстинкты обостряются до предела. Не думаю, не анализирую, повинуясь импульсу.

С первых же секунд знакомства понимаю, что попал. Вот так просто. Почувствовал, что она моя. Я далеко не романтик, поэтому осознаю, к чему всё идёт. Знаю, что свадьба на носу. Но эта девушка особенная. Вторую такую я вряд ли когда-то найду.

Я впервые в жизни так сильно кого-то хочу. Настолько, что даже неприлично.

Осознанно нарушаю все мыслимые правила приличия и статуса: подхожу, представляюсь, уговариваю её провести со мной время. Вижу, как она колеблется, как осторожность в её глазах смешивается с любопытством. Поэтому проявляю чудеса дипломатии вместо того, чтобы просто закинуть её на плечо и утащить в номер отеля.

В глубине души понимаю: делаю это не только ради удовольствия, но и ради самого процесса, потому что хочу её видеть снова и снова, даже если это рушит все планы.

Трудно держать себя в руках, когда собственнический инстинкт берёт верх.

— Хорошо, — вдруг соглашается Аля и улыбается самой нежной, чистой улыбкой, какую я только видел. Такая улыбка не просто обезоруживает, она обнуляет всё, что я знал о женщинах до этого момента.

Дыши, Там. Просто дыши. Набрасываться нельзя, испугается, закроется, уйдёт.

Я предлагаю ей пройти в основной зал, где больше света, где звучит мягкая музыка и гул голосов смешивается с приглушённым звоном бокалов. Среди людей безопаснее и для неё, и, чёрт возьми, для меня самого. В толпе проще спрятать своё желание, пока оно не вырвалось наружу.

Аля идёт рядом, не торопится, пальцы чуть касаются ткани блузки на запястье, а взгляд цепляется за каждую картину, будто она впитывает их в себя. В её глазах неподдельный интерес, и мне почему-то хочется рассказывать ей обо всём, что знаю, хотя обычно я не трачу слова попусту.

— Там, почему вы на этой выставке? — спрашивает она, поворачивая ко мне голову.

— Я её организовал, — отвечаю спокойно.

— О! — её губы складываются в идеальный овал, и я ловлю себя на мысли, что не слышу больше ничего вокруг. Этот мягкий звук, этот изгиб, будто дьявол решил испытать мою выдержку. Я хотел бы, чтобы мой член оказался у неё во рту.

Она улыбается чуть шире, не замечая, что каждое её слово, каждый взгляд — это испытание.

— Чем вы занимаетесь?

— Продаю предметы искусства. Чем более древние, тем лучше, — говорю, стараясь не смотреть на её губы, но не справляюсь.

— Так мне очень повезло с вами познакомиться. Я учусь на искусствоведа, — произносит она с лёгким смущением и опускает глаза.

— Какой курс?

— Третий.

В её взгляде нет глупой восторженности, есть ум, осторожность и любопытство. Сочетание, от которого внутри всё сжимается.

— Ещё неизвестно, кому из нас повезло больше, — говорю, чуть наклоняясь к ней. — Но мы обязательно разберёмся в этом позже.

Она смеётся тихо. Этот смех обволакивает, щекочет где-то под кожей.

— Ты говорила, что у тебя есть вопросы, — напоминаю, чувствуя, как между нами натягивается тонкая, невидимая нить. — Задавай.

И в этот момент я понимаю, что хочу, чтобы она задавала их бесконечно — просто чтобы слышать, как звучит моё имя в её устах.

— Эти картины… вы знакомы с автором лично?

— Да. Таманги живёт уединённо, не любит публику.

— Мне кажется, в его работах есть боль. Особенно в тех, где красный и серый, — она останавливается перед полотном, чуть склонив голову. Свет падает на её волосы, превращая их в мягкое золото. — Словно человек что-то потерял и пытается это нарисовать, чтобы не забыть.

Я смотрю на неё и думаю, что никогда не видел, чтобы кто-то так чувствовал живопись.

— Ты хорошо видишь, — отвечаю, и голос сам собой становится тише. — Большинство смотрят глазами. Ты — сердцем.

Она краснеет, прячет улыбку, будто не знает, что с ней делать.

— Просто… мне близко это состояние. Когда вроде бы всё есть, но чего-то всё равно не хватает.

— И чего тебе не хватает, Аля? — спрашиваю, не сводя с неё взгляда.

Она немного теряется, потом поднимает глаза:

— Не знаю. Может быть, эмоций. Или… настоящих людей. Таких, что не прячутся за масками.

Я усмехаюсь краем губ.

— Тогда ты точно по адресу.

Она хмурится, будто не понимает, шутка это или нет.

— А вы какой, Там? Настоящий или в маске?

Я молчу несколько секунд, рассматривая её лицо.

— С тобой — без.

Внутри всё словно вспыхивает. Секунда, и она уже отводит взгляд, будто не готова к такому ответу.

— Думаю, хватит выставки на сегодня.

— Почему?

— Потому что я хочу показать тебе город, — отвечаю, доставая телефон. — А начать предлагаю с ужина. Есть один ресторан на набережной.

— Это приглашение?

— Это факт, — говорю с лёгкой усмешкой. — Мы едем в ресторан.

Она колеблется всего пару секунд, потом кивает:

— Хорошо. Только дайте мне минуту.

Я наблюдаю, как она уходит к гардеробу, и понимаю, что всё решено.

Глава 4 Альбина

Рядом с Тамом я ощущаю себя как-то странно. Может, это потому что опыта общения с мужчинами у меня практически никакого? Мне сложно разгадать, что же он хочет.

Я абсолютно точно ему не ровня. Очевидно, что он не только богат, но между нами ещё и целая культурная пропасть. Его уверенность, сдержанная манера говорить, эта почти физически ощутимая энергия, всё это действует на меня, сбивает с привычного ритма. Но ведь не случится ничего страшного, если я просто воспользуюсь тем, что он хорошо знает Махачкалу?

Он не кажется мне тем, кто может воспользоваться беззащитностью девушки. Его взгляд внимательный, немного настороженный, но без тени пошлости. Просто присутствие мужчины, привыкшего к власти и к тому, что ему не отказывают.

Забираю пальто и возвращаюсь к нему.

— Идём?

Там подставляет мне свой локоть, и я осторожно кладу руку.

— Ресторан недалеко, пройдёмся пешком, — говорит он, и в голосе мягкость, которой я от него не ожидала.

Мы идём вдоль набережной. Воздух прохладный, пахнет морем и солью, а неподалёку слышен ровный шум волн. Лёгкий ветер треплет пряди моих волос, и Там, не задумываясь, убирает её за ухо. Я замираю, жест почти интимный, но он не акцентирует на нём внимание.

Он рассказывает мне историю основания города. Честно говоря, я думала, что он куда более древний. А на деле — ему всего несколько веков.

— Махачкала раньше называлась Петровском, — рассказывает он, — а ещё раньше тут была просто военная крепость. Но город быстро вырос. Тут сошлось всё — море, горы, люди со всего Кавказа. Поэтому он всегда был живым, разным.

Я слушаю, стараясь запомнить каждое слово. В его голосе слышна гордость и любовь к этим местам.

Когда оказываемся в ресторане, мне сразу становится тепло, вокруг мягкий свет, резные деревянные стены, запах свежего лаваша и жареного мяса. Звучит негромкая музыка, что-то восточное, с протяжными женскими голосами.

Я рассматриваю меню, не понимая, что из этого лучше попробовать.

— Там, посоветуете что-то? Не могу определиться, — с улыбкой смотрю на него, стараясь не смущаться от прямого взгляда.

— Давай попробуем всего понемногу, — предлагает он, будто само собой разумеющееся. — Нам чуду, хинкал, баклажаны на гриле с шашлыком из баранины, айран и халву.

— Боюсь, в меня всё это не влезет.

— У нас нет цели съесть всё. Главное — попробовать. Да и у себя вряд ли ты найдёшь настолько вкусную кавказскую кухню.

Когда приносят блюда, одно за другим, аромат сводит с ума. Мясо шкворчит на шпажках, пахнет дымом и специями, зелень свежая, лепёшки ещё тёплые, только из печи. Я ловлю себя на том, что буквально давлюсь слюной.

— Налетай, не стесняйся, — приглашает Там и берёт шпажку шашлыка.

Я повторяю за ним, аккуратно отрываю кусочек мяса. Оно мягкое, сочное, с лёгким привкусом дыма.

— Вкусно? — спрашивает он.

Я киваю, не в силах говорить, потому что рот полон. Он усмехается.

— Я так и понял.

Постепенно пробую всё, с каждым разом убеждаясь, что тут готовят потрясающе.

— Вы часто здесь бываете?

— Иногда. Это действительно один из самых хороших ресторанов в городе.

Он говорит спокойно, без хвастовства, но чувствуется, что к его мнению здесь прислушиваются. Словно весь персонал знает, кто он, и старается быть безупречным.

— Там, расскажите немного о себе. Как вы стали тем, кто есть?

Он чуть улыбается, отводит взгляд в сторону, будто не привык говорить о себе.

— Меня всегда интересовала история, всякие древности, легенды. Я очень любил часами ходить по музеям в детстве. В какой-то момент понял, что хочу, чтобы моя жизнь так или иначе была связана с этим. Двигался в этом направлении.

— Как интересно. Мне кажется, что это не слишком популярное увлечение.

— Так и есть, — усмехается он. — Зато здесь проще занять свою нишу.

— Буду знать, к кому проситься на работу, когда закончу учёбу. Вы же не один этим занимаетесь?

— Не один. Я рассмотрю твоё резюме, Аля.

Какой серьёзный. Интересно, о чём он думает? Неужели и правда перебирает варианты, куда меня пристроить? Надеюсь, он понимает, что я шучу. Мои родители будут в шоке, если я заявлю, что уезжаю куда-то от них. Их совершенно не волнует тот факт, что мне уже двадцать. Для них я всё ещё маленькая девочка, которую нужно опекать и оберегать.

Да и, честно говоря, я сама не до конца представляю себя где-то далеко, среди чужих людей, другой культуры. Здесь всё красивое, но чужое. И всё же… почему-то рядом с ним мне не страшно.

— Там, я бы хотела отдохнуть. Вы не против, если вернусь в отель?

В его взгляде появляется что-то, от чего мне становится не по себе. Он смотрит слишком пристально, слишком внимательно. Не знаю, что такого я сказала, но ноздри у Тама затрепетали, и он шумно вдохнул. А я уставилась на него, только сейчас понимая, что он очень симпатичный. Не слащавый, а такой по-мужски красивый, статный, представительный. Сердце дрогнуло и пустилось вскачь.

— Не надо меня провожать, вы можете вернуться к делам. Я примерно представляю, как дойти.

— Я всё же провожу, — спокойно отвечает он. — Некрасиво бросать девушку одну, раз уж пригласил.

Он встаёт и помогает мне подняться, легко отодвигая стул. Затем подаёт пальто, едва касаясь плеч кончиками пальцев. От этих касаний будто пробегает ток, горячий, настойчивый, опасный.

Я стараюсь сделать вид, что не замечаю. Опускаю взгляд, медленно вдыхаю, пытаясь вернуть себе самообладание. Не стоит даже думать в эту сторону. В качестве первого мужчины лучше выбрать кого-то попроще.

В этот раз мы идём молча. Только шаги по плитке и отдалённый шум моря нарушают тишину. Иногда наши руки случайно соприкасаются, и каждый раз я ощущаю, как у меня учащается пульс. У самого входа в отель я останавливаюсь, разворачиваюсь к нему.

— Тамерлан, спасибо огромное, что уделили мне столько времени. С вами было очень интересно.

— И мне, Аля.

— Но завтра я лучше сама посмотрю город.

Пристальный взгляд Тама заставляет меня замереть. Что я такого сказала?

Он делает шаг ближе, и прежде чем я успеваю отпрянуть, его рука оказывается у меня на талии. Он медленно наклоняется и касается губ. Как дуновение ветра, почти невесомо.

— До завтра, — шепчет он.

Там разворачивается и уходит быстрыми шагами вниз по улице, не оглядываясь. А я стою, не в силах пошевелиться.

Касаюсь губ кончиками пальцев. Зачем он это сделал?

Глава 5 Альбина

Поначалу я думала, что могу на второй день заглянуть ещё раз на выставку, буквально на полчаса, не больше. Просто чтобы сравнить впечатления. Ведь когда смотришь на картины впервые, эмоции накрывают с головой, и многое ускользает от взгляда. Только потом, когда первое волнение утихает, начинаешь видеть детали, то, как ложится краска, как вибрирует цвет в полутени, где художник допустил случайный мазок, а где намеренно оставил недосказанность.

На экране компьютера всё это и вовсе невозможно почувствовать. Там не видно живой фактуры холста, как в некоторых местах масляная краска выступает рельефом, а в других растворяется в прозрачной дымке. И оттенки там будто другие: холоднее, тусклее. Настоящее искусство требует личного присутствия.

Но теперь, проснувшись в номере отеля, я понимаю, что ни о какой выставке речи быть не может. В памяти всплывают последние секунды нашей встречи с Тамом, его взгляд, нахмуренные брови, лёгкое прикосновение, поцелуй, от которого внутри всё перевернулось. Я ужасаюсь тому, как быстро потеряла голову. И всё же… не удивительно.

Я никогда раньше не встречала таких мужчин. Таких, при взгляде на которых перехватывает дыхание, а колени делаются ватными. С ним даже воздух кажется гуще. Поэтому и реакция такая. Просто гормоны, ничего больше. Надо взять себя в руки. Избегать новой встречи, вот и всё. Никаких выставок. И вообще, лучше в ту часть города не соваться.

Я поднимаюсь с кровати, открываю шторы. В окно заливается утренний свет, мягкий, чуть мутный от морской дымки. Слышно, как внизу гудят машины и кричат чайки. Город уже проснулся.

Только куда теперь идти? Это ведь центр, всё самое интересное — тут, неподалёку. Впрочем, решу по ходу. Найду тихую кафешку, выпью кофе, позавтракаю и просто поброжу без цели.

Быстро собираюсь: длинное приталенное платье, волосы в небрежный пучок, минимальный макияж — не для кого стараться. Пахнет духами и свежим хлебом из ближайшей пекарни. На улице прохладно, но приятно.

Я выскальзываю из отеля, машинально оглядываясь по сторонам. Сердце на миг замирает, вдруг он здесь? Но нет. Никакого Тама. Лишь прохожие, спешащие по делам, и мальчишка с корзиной гранатов. Вздыхаю с облегчением. Не придётся искать слова, не придётся объяснять, почему я избегаю взгляда.

И всё же где-то в глубине сознания зудит вопрос: почему он не пришёл? Почему не написал, не позвонил? Может, пожалел о вчерашнем? Или просто понял, что не стоит связываться. Наверное, так и есть. Взрослый мужчина. Всё рассудил хладнокровно. Оно и к лучшему.

Я натягиваю ремешок сумки на плечо и, стараясь не думать, куда именно иду, просто поворачиваю за угол, туда, где улица уходит к морю. Решаю, что просто пойду, куда глаза глядят.

Иду вдоль набережной, чувствуя, как ветер с моря играет моими волосами и наполняет лёгкие прохладой. Воздух здесь другой, солёный, влажный. Волны с шумом разбиваются о камни, и в этом шуме есть что-то успокаивающее.

По обе стороны набережной оживлённое движение: семьи с детьми, влюблённые пары, уличные музыканты, продавцы варёной кукурузы и сладкой пахлавы. Запах кофе и жареных орешков тянется от открытых киосков, вплетаясь в аромат моря.

Я иду медленно, без цели, просто позволяя ногам вести меня. Фотографирую старые фонари, кораблики в порту, отражение солнца на воде. Иногда задерживаю взгляд на лицах прохожих, все такие спокойные, будто никто из них никуда не спешит. Мне бы так.

Когда желудок недвусмысленно напоминает о себе, сворачиваю в маленькое кафе у самой воды. Столики стоят прямо под тентами, а ветер шевелит белые занавески. Заказываю кофе с кардамоном и теплую лепёшку с сыром. Пока жду заказ, просто смотрю на море. Завораживающее зрелище.

Официант приносит поднос, и я почти мурлычу от удовольствия, когда делаю первый глоток. Горячий, крепкий кофе, чуть сладковатый, идеальное утро. Лепёшка пахнет маслом и свежей зеленью. Всё просто, но невероятно вкусно.

После завтрака я снова иду гулять. Захожу в маленькие лавочки с сувенирами, трогаю шероховатые поверхности глиняных ваз, рассматриваю старинные украшения, нарисованные вручную открытки. К обеду солнце становится жарким, и я нахожу тень под раскидистым платаном, присаживаюсь на скамью, наблюдая за жизнью вокруг. Мне здесь нравится.

Ближе к вечеру город заливается мягким золотым светом. Тени удлиняются, прохлада возвращается с моря. Я решаю, что пора возвращаться в отель, нужно немного отдохнуть и выезжать в аэропорт с чемоданом.

Когда подхожу к зданию, солнце уже почти село. Мимо проходят редкие прохожие, двери ресторана при отеле распахнуты, и оттуда доносится запах жареного мяса. Я поднимаюсь по ступенькам, машинально достаю ключ-карту, но замираю.

Тамерлан стоит прямо у входа.

Опирается на перила, руки в карманах, голова чуть наклонена, будто он задумался. На нём тёмная рубашка, расстёгнутая у ворот, и лёгкое пальто, которое делает его ещё выше, ещё собраннее. Когда он поднимает взгляд, я чувствую, как за рёбрами что-то вспыхивает.

— Я знал, что ты не уехала, — говорит он спокойно, но в голосе сквозит что-то опасное.

— А вы… ждали меня? — спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

— Да. — Он делает шаг ближе, глаза не отрываются от моих. — Хотел убедиться, что ты не потеряешься.

Моё сердце бьётся слишком быстро. Я пытаюсь сделать шаг в сторону, но его рука мягко, почти невесомо касается моего запястья.

— Аля, — шепчет он, и от того, как звучит моё имя в его голосе, по коже бегут мурашки. — Не убегай больше.

Я не нахожу, что ответить. Мир будто сузился до нас двоих. Чувствую его тёплые пальцы на моей коже.

Всё, что я успеваю подумать: поздно. Я уже потерялась.

— Там, мне пора ехать в аэропорт.

— Я довезу.

— Может, не надо?

— Спускайся, жду.

Глава 6 Альбина

В номере я стою у окна и смотрю вниз. Пятый этаж. Если бы я была киношной героиней, то, может, и рискнула бы сигануть вниз по пожарной лестнице, но в реальной жизни — шансов ноль. Город подо мной живёт своей жизнью, шумят машины, кричат чайки, ветер гудит.

Я резко выдыхаю, беру чемодан и выхожу. Ключ-карту кладу на стойку ресепшена, даже не оборачиваюсь. Шаги твёрдые, уверенные, будто если сделаю хоть одно колебание, Тамерлан это почувствует.

Он стоит у входа, чуть в стороне, разговаривает по телефону. Голос ровный, но низкий, цепкий. Стоит к залу спиной, и это мой шанс. Сердце стучит в горле, ладони становятся влажными. Не смотри, не тормози, просто иди.

Я прохожу мимо, притворяясь спокойной. Краем глаза замечаю, как свет ложится на его волосы — густые, тёмные. Не оглядывайся. Но, конечно, оглядываюсь. На секунду. Просто чтобы убедиться, что он не смотрит.

Скатываю чемодан по пандусу, колёса тихо цокают по асфальту. Ещё немного, и сверну за угол, вызову такси, уеду. Всё. Конец этой нелепой истории.

Но сделать и десяти шагов не успеваю.

Чьи-то руки резко, но уверенно подхватывают меня сзади. Я взвизгиваю и инстинктивно вцепляюсь в шею нападавшего, чувствуя тепло его кожи. Пахнет табаком и чем-то дорогим, узнаваемым.

— Отпусти, — выдыхаю, не пытаясь вырываться, потому что он держит крепко.

— Чтобы ты сбежала? — его голос звучит у самого уха.

— Да, — выдыхаю. — Чтобы я сбежала.

Он усмехается. Где-то рядом другой мужчина уже несёт мой чемодан к машине. Всё происходит так быстро, что я не успеваю даже осознать, за мной действительно пришли.

— И я тебя больше не увидел? — Тамерлан приподнимает бровь, заглядывая мне в глаза.

— Ну конечно. Какие могут быть варианты? — я стараюсь говорить уверенно, но голос предательски дрожит. — Там, это ведь реальная жизнь, не сказка. Я далеко не Золушка, а ты, прости за прямоту, не принц.

Он улыбается краем губ, чуть прищурив глаза.

— Хочу, чтобы ты обращалась ко мне на “ты”.

— С чего вдруг?

— Тогда я тебя отпущу.

Я закатываю глаза, не веря.

— Хорошо, ты.

Но стоило произнести это “ты”, как я понимаю, что играю по его правилам. Он отпускает одну руку, но вторая по-прежнему держит меня за талию. Слишком близко.

— Ты права, Аля, — произносит он тихо, и голос его становится опасно мягким. — Я не принц. И это всё упрощает.

Он делает паузу, и его взгляд будто проникает внутрь.

— Как человек, не обременённый королевской кровью, я могу поступать так, как того требует душа.

— И что же она требует? — спрашиваю я, хотя боюсь услышать ответ.

Он приближается, и расстояние между нами тает.

— Тебя, — отвечает он просто, без тени улыбки.

Моё сердце делает кульбит. Хочется поверить, что он шутит, но глаза слишком серьёзные.

— Что, если я скажу, что никакие красивые слова не задержат меня тут? У меня билет. Меня ждут.

Он молчит, потом открывает передо мной дверь машины.

— Садись. Прокачу.

— В аэропорт, надеюсь?

Он кивает. Господи, что я творю?

Я делаю шаг вперёд, чувствую, как ноги подкашиваются, и всё равно сажусь на заднее сиденье. Дверь захлопывается. Через мгновение он садится рядом.

— Анвар, в аэропорт, — произносит он негромко, и машина трогается с места.

Я смотрю в окно, но в отражении вижу только его профиль, сосредоточенный, собранный, опасный. Его пристальный, наглый взгляд, от которого хочется спрятаться и одновременно не отводить глаз. В этом взгляде слишком много всего: уверенность, власть, нечто хищное и в то же время притягательное до безумия.

От него исходит тепло, запах кожи, чуть терпкий аромат парфюма с восточными нотками, мускус, сандал, что-то древесное и пряное. Этот запах заполняет всё пространство, становится воздухом, которым я вынуждена дышать.

Моя женская сущность просыпается совсем не вовремя. Хочется опустить стекло и вдохнуть немного свежего воздуха, просто, чтобы прийти в себя. Я отворачиваюсь к окну, делая вид, что любуюсь улицей. В отражении вижу, как он продолжает смотреть на меня, не моргая, будто читает мысли.

И вдруг его рука находит мою. Пальцы у него тёплые, немного шершавые, как у человека, который привык работать, держать в руках не только бумагу или бокалы. Он осторожно проводит ими по моей коже, словно проверяя, как я отреагирую. И я реагирую. Меня будто током бьёт от каждого лёгкого касания. Это не просто неловкость — это чувственная пытка.

Где же этот проклятый аэропорт?

Даже закрадывается мысль, что водитель специально едет длинной дорогой, будто нарочно растягивает эту поездку.

— Ты так и не познакомил меня с Таманги, — говорю я, пытаясь перевести разговор хоть куда-то. — Обманщик.

— У меня не было шанса, — отвечает он спокойно. — Ты же сбежала с утра.

— А что мне оставалось? — фыркаю.

— Дождаться меня, — невозмутимо бросает он.

Я нервно усмехаюсь.

— Как прошёл второй день выставки?

— Ту картину в маленьком зале хотят купить за миллион.

— Долларов?! — выдыхаю я, не сдержавшись.

— Ну не рублей же.

— Ничего себе... — качаю головой. — Может, мне тоже переквалифицироваться в художника? Ну а что, рисовать я умею.

— Если тебе есть о чём писать, — говорит он, чуть тише, глядя мне прямо в глаза, — всегда можно попробовать. Ты заканчивала художку?

— Да, с отличием. Но потом всё забросила. В универе стало не до рисования.

— Хочешь, порисуем вместе? — его голос звучит мягко, но в нём чувствуется подспудное напряжение, будто это предложение не только о картинах.

— Там, нам осталось буквально десять минут.

— Этого слишком мало, — произносит он глухо.

Машина резко замедляется и останавливается у аэропорта. Я облегчённо выдыхаю. Но радость длится всего пару секунд — двери заблокированы. Я пробую ручку, снова и снова. Без толку. Смотрю на водителя, но тот сидит неподвижно, будто его и не существует.

— Там, открой двери, — прошу я.

Он не сразу отвечает.

— Аля, — тихо произносит он, — дай мне минуту.

— Минуту? — переспрашиваю я. — Что решит эта минута?

Когда его ладонь на моей шее чуть сильнее сжимается, я чувствую, как по спине пробегает горячая дрожь. Он притягивает меня ближе, медленно, будто растягивая миг до бесконечности. Его дыхание касается губ, и сердце срывается с ритма.

Когда Там всё-таки целует, не стремительно и не грубо, скорее, сдержанно и осознанно, но в этой сдержанности клокочет напряжение. Его губы тёплые, уверенные, будто знают, чего хотят, и добиваются этого без слов. Поцелуй углубляется, осторожность растворяется, уступая место чему-то необъяснимому.

Он прижимает меня ближе, и между нами не остаётся ни воздуха, ни сомнений. Я чувствую, как его пальцы слегка скользят вверх, к затылку, запутываются в волосах. От этого движения внутри всё сжимается и плавится одновременно.Чувствую тепло его рук и вкус на губах: немного пряный, немного горьковатый, как чёрный чай с мёдом.

Он целует так, будто пытается запомнить каждое мгновение, будто знает — другого не будет. А я… я не нахожу в себе сил оттолкнуть его. Я позволяю себе утонуть — на секунду, на вдох, на эту самую последнюю минуту, после которой всё должно закончиться.

Если бы я знала, что целовать того, к кому тянется сердце, так приятно…

Там отстраняется первым. Дышит тяжело. Его взгляд теперь другой, потемневший, почти безумный.

Я жду, когда щёлкнут замки, но вместо этого он коротко бросает:

— Поехали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.